

Святой Дунстан был славным малым,
Он за нос дьявола водил.
А тот вертелся, упирался
И оглушительно вопил.

Английская народная песенка

Странную ему поручили работу.

Очень странную.

Нет, сама по себе работа была совершенно обыкновенной, он делал подобную много раз. Станным был «объект».

«Объектом» была высокая, костлявая и невыразительная девчужка, которая каждый день шмыгала на свою невыразительную работу и обратно. Изредка по дороге с работы она заходила в гастроном на «Речном вокзале» и покупала там какой-то тоже на редкость невыразительный набор продуктов. Банка дешевого растворимого кофе. Кочан капусты. Йогурты. Сыр. Палка копченой колбасы. Ну, это исключение, а не правило. Зарплату в тот день, наверное, получила.

Потом она топала домой, в облезлую «хрущевскую» пятиэтажку, где в одиночестве поедала все свои деликатесы, и с утра опять отправлялась в центр на работу.

Разве это «объект»?!

Кому она нужна, интересно? И зачем?

Такие мысли о клиентах развлекали его во время долгих часов нудного ожидания то на улице под деревом, вот как сейчас, то в машине, то в скверике, в компании местных гомосексуалистов, собиравшихся под вечер потолковать о своем, о девичьем, то на замусоренной детской площадке, откуда хорошо была видна подъездная дверь.

Может, она подпольная миллионерша? Или замаскированная бандитка? Или задолжала денег по глупости?

На какую бы то ни было, замаскированную или нет, бандитку похожа она не была совсем, на миллионершу тоже не тянула — кочан капусты и замороженная до деревянного состояния треска! — а деньги... кто же в здравом уме и твердой памяти даст ей денег?!

А вот кто-то же платит за нее, ведь он таскается за ней уже... да, все правильно, десять дней. И заказчик, похоже, никуда не спешит, почитывает себе отчеты — «аптека, гастроном, троллейбус, «хрущевка», метро, аптека...» — и всем доволен. Наблюдение продолжать.

Он продолжал бы, если бы было что продолжать, а так... не работа, а маета одна. Хотя платят, конечно...

— Прикурить не найдется? — неожиданно спросил у его локтя гулкий бас.

Он повернулся, ожидая увидеть великана средних лет, обладателя бочкового, как пиво, баса, а увидел хлипкого юнца лет четырнадцати, болтающегося всем жидким тельцем от переизбытка музыки в замызганных наушниках.

Ошибся. Не угадал.

Он достал пачку дешевых сигарет из правого кармана джинсовой куртки — в левом лежал «Парламент», приберегаемый для себя, — и поднес юнцу зажигалку. В знак благодарности юнец болтнул головой на тонкой шейке и пошел прочь, загребая кроссовками августовскую пыль.

Ему стало смешно. Чего только не насмотришься на улицах, пока ведешь объект. Бывает, что передышки ждешь, как манны небесной, такие активные ребята падаются, а это что за объект? Недоразумение какое-то...

Ну, какая у нас сегодня программа?

Сегодня драная кошка работает во вторую смену. Приехала к двум, уедет в восемь. Гастроном отменяет-

ся — слишком поздно. Значит, программа такая — метро, троллейбус, «хрущевка».

В десять его сменят, и он наконец-то попьет пивка и хоть до завтра забудет об объекте.

Интересно, когда заказчик собирается ее прикончить?

В том, что ее должны убить, он не сомневался.

Интуиция редко его подводила.

— Клава! — закричала начальница из коридора. — Ты еще не ушла?

— Нет! — откликнулась Клавдия. — Нужно что-нибудь, Варвара Алексеевна?

Заведующая появилась на пороге крошечной комнаты, в которой Клавдия собиралась домой. Заведующая была седая, бодрая, очень энергичная и сердитая.

— Ты сегодня с двух, я забыла? — полуутвердительно то ли спросила, то ли сказала заведующая. Вид у нее был отсутствующий.

— Да, Варвара Алексеевна, — четко, как в армии, отрапортовала Клавдия.

В восемь аптека закрывалась, весь персонал расходился по домам. Заведующая уходила, как правило, около шести, только сегодня что-то задержалась, полдня пробыв на каком-то большом совещании.

— Ты завтра с утра?

— Да, — все так же четко проинформировала Клавдия. — Вы мне хотите что-то поручить?

Заведующая посмотрела наконец на нее. Для этого ей пришлось закинуть голову. Заведующая улыбнулась.

— Клава, я тебя прошу, — сказала она, улыбаясь, — завтра по дороге на работу купи, пожалуйста, веник. Там ведь у вас на «Речном» веники продают?

— Что купить? — не поняла Клавдия.

— Веник, — раздражаясь, повторила заведующая. —

Знаешь, что это такое? Это такая штука, чтобы пол мести. Видала?

Клавдия улыbnулась:

— Видала.

— Купи, пожалуйста, — попросила заведующая, смягчаясь. — А то у нас в аптеке работают одни господа, они веник купить никак не могут. Сегодня я прошу уборщицу, а она мне отвечает: «Веники должен покупать завхоз». Ну а так как я и завхоз, и слесарь, и плотник, и маляр, то я это тебе поручаю. Мне завтра с утра с веником в аптекоуправление идти несподручно. А тебе прямая дорога на работу. Ну что? Купишь?

— Конечно! — с воодушевлением вскричала Клавдия. Даже, пожалуй, с излишним воодушевлением, потому что заведующая посмотрела на нее как-то подозрительно.

Клавдия обожала эту маленькую энергичную, очень непростую даму и для нее была готова на все, не то что на покупку какого-то там веника.

Она работала у нее уже лет восемь. Или даже больше. В этой аптеке она когда-то проходила институтскую практику и была совершенно твердо убеждена, что Варвара Алексеевна — это ее самая большая жизненная удача.

Она неустанно и ежедневно опекала Клавдию. Не то чтобы она выделяла Клавдию среди других сотрудниц — а работали в аптеке исключительно сотрудницы, сотрудник был всего один, древний дед Федор Иванович, чинивший задвижки на окнах и дверях и отлетавшие от столов ручки, — но все же относилась к ней как-то по-другому. Наверное, жалела, но жалела действительно и необидно.

Все в аптеке знали, что Клавдия Ковалева — детдомовский ребенок с «трудной судьбой».

Ух, как Клавдия ненавидела это выражение, как будто судьба могла быть легкой! Она очень не любила,

когда ей напоминали о ее судьбе, и была совершенно убеждена, что у нее как раз все сложилось просто отлично. Немногие, выбиравшиеся вместе с ней с самого дна, могли похвастаться тем же. И кажется, одна Варвара Алексеевна понимала ее стремление ни о чем не вспоминать, ничего не рассказывать и ничем ни с кем не делиться.

— Подожди, я тебе денег дам, — сказала заведующая, поворачиваясь, чтобы идти. — Ведь нету небось денег-то?

У Клавдии и вправду было мало денег, но на покупку веника у «Речного вокзала» должно было хватить.

Стремясь избавить Варвару Алексеевну от любой минуты лишнего беспокойства, Клавдия принялась уверять, что у нее полно денег.

— Ладно-ладно, — сказала заведующая, удаляясь в сторону своего кабинета, — на те, которых у тебя полно, купишь себе булку к завтраку. А на веник я дам...

Клавдия преданно потрусила за заведующей через уже пустой торговый зал к новенькой белой дверце иностранного производства с изящной и не оскорбляющей глаз табличкой, тоже иностранного производства, «Голько для персонала». После ремонта внутренние помещения старого особняка стали походить на декорации для съемок сериала «Дежурная аптека», так все было чисто, приветливо, бело и свежо, и Клавдии это очень нравилось. Она любила свою аптеку.

— Так, вот тебе пятьдесят рублей, — сказала заведующая, доставая из кошелька аппетитную бумажку. Для Клавдии это было целое состояние.

— Зачем так много? — удивилась она.

— А ты думаешь, веник меньше стоит? — усомнилась заведующая. — Ну, если останется, купишь два, чтобы потом еще раз не ездить, а если на два не хватит, купи тогда какого-нибудь порошка, которым накипь

оттирают. На наши чайники страшно смотреть, как будто здесь не женщины работают, а бомжи...

— Хорошо, — запоминая, чтобы исполнить все в точности и — не дай бог! — не ошибиться, кивнула Клавдия.

— Иди, Клаша, — рассеянно сказала заведующая, уже изучая на своем столе какие-то бумаги. Очки у нее были сдвинуты на кончик носа. — Что-то мы сегодня поздно засиделись. Закрывать, наверное, уже пора.

Как хороший капитан, Варвара Алексеевна бдительно контролировала все службы вверенного ей судна — от машинного отделения и до камбуза, от отдела готовых форм и до уборщицы Тани, которая уже лет тридцать была малость не в себе и потихоньку таскала у бесшабашных практиканток медные деньги и помаду.

Клавдию восхищала ее капитанская хватка, и способность помнить обо всех мелочах, и умение вести свое судно, обходя мели и банки — идиотские приказы Минздрава, по три на каждой неделе, исключаящие друг друга, внезапные визиты проверяльщиков из всевозможных инстанций, от аптекоуправления и до пожарной охраны, истеричных покупателей, требующих, как правило, невозможного, например, чтобы дорожные импортные препараты выдавались бы желающим даром.

«Когда-нибудь, — мечтала Клавдия, — я тоже буду такой, как она, — сильной, справедливой, язвительной, уверенной в себе, все понимающей и очень профессиональной. И меня тоже будут награждать грамотами, и моя аптека тоже будет лучшей в округе...»

Мечтая, Клавдия сняла хрустящий крахмалом халат — стараниями Варвары Алексеевны такие «профессорские» халаты были у всей аптеки, замызганных и серых она страсть как не любила, — и нацепила джинсовую юбку и маечку. В последние августовские дни в Москве было жарко и сухо, как в Крыму.

— До свидания! — попрощалась она с Лидой и Та-

ней, которые переключивали что-то из одной сумки в другую в дальнем конце коридора. — До завтра.

— Пока, — отозвались они в один голос, и Клавдия потопала с высокого крылечка прямо в раскаленное асфальтовое марево, не остывавшее даже вечером.

Занятая своими мыслями, она, конечно, не заметила парня, кутившего на скамеечке под чахлой желтеющей липой. Парень проводил ее глазами, далеко отшвырнул окурок и, выждав некоторое время, двинулся следом за ней к метро «Маяковская». Маршрут был ему хорошо известен.

Клавдия поставила на плиту картошку и огляделась. Ужин был почти готов, и больше на кухне нечего было делать. Кухню она содержала в аптечной стерильной чистоте, как и единственную комнатку своей квартиры, которую несколько лет назад выхлопотала для нее благодетельница — Варвара Алексеевна. Если бы не она, Клавдия, наверное, до конца жизни прожила бы в общежитии на окраине, где бесконечно пили и дрались, лезли в окна и ломались в двери, где маялись глупые девчонки, приехавшие, чтобы «покорить Москву», да так и завязшие в общежитиях и на убогих, тяжелых, скучных работах, на которые не соглашались идти избалованные столичные жители.

У Клавдии от того времени остались трудные воспоминания.

Чайник приятно зашумел рядом с кипящей картошкой. Есть хотелось ужасно.

Клавдия старалась экономить и редко обедала в аптеке, где все ели «Докторскую» колбасу или хорошенькие тоненькие сосисочки из колбасного магазина на Тверской, до которого было два шага. На сосисочки и колбасу у нее не было денег, а хрустеть, как заяц, надоевшим капустным салатом ей было почему-то неловко. Иногда

Варвара Алексеевна сажала ее обедать с собой, как подзревала Клавдия, специально, чтобы подкормить, но есть ее еду Клавдия стеснялась еще больше, чем капустного салата.

— Ешь! — приказывала управляющая строго.

— Нет, спасибо, — отказывалась Клавдия и улыбалась лучезарной фальшивой улыбкой. — Я на работе никогда есть не хочу.

— Смотри ты! — удивлялась заведующая. — А у меня в животе все трясется, если я вовремя не поем.

У Клавдии в животе тоже все тряслось, но у нее были свои понятия о том, что можно и что нельзя себе позволить.

К кофе у нее сегодня был кусок торта, сэкономленный от дня рождения заместительницы Галины Васильевны. Клавдия не съела его вместе со всеми потому, что после трех в аптеке начиналось самое горячее время и она никак не могла отойти от прилавка. На чаепитие она не попала, но торт ей достался, и она привезла его домой, как законную добычу, ревностно следя, чтобы его не раздавили в метро.

И телевизор у нее был шикарный — с дистанционным управлением с торжественно-скромной надписью «Sony» под плоским экраном. Телевизор ей подарили на тридцатилетие, и это был необыкновенный, невиданный подарок. Даже заведующей никто не дарил никаких телевизоров, и Клавдия подзревала, что Варвара Алексеевна заплатила большую часть денег из собственного кармана.

Телевизор Клавдия обожала и называла его Сеня. Он был ее друг. Пока Сеня не появился, ей было очень грустно по вечерам.

Она встрепенулась и принялась. Судя по всему, картошка была уже готова. Клавдия положила себе в тарелку две большие картофелины, исходившие сытным духом, и с тоской покосилась на капусту. Эта капуста

надоела ей ужасно, но приходилось есть, потому что это были как бы витамины, которые она не могла себе позволить употреблять в виде клубники и апельсинов.

Ничего, бодро решила она. Один день без капустных витаминов не приведет ни к каким разрушительным последствиям. Отдохну немножко, не заяц же я в самом деле...

Клавдия включила Сеню и уселась за крошечный шаткий столик, приобретенный еще в институте и символизирующий собой стремление к красивой жизни. Такие столики в те времена часто показывали в кино. Кроме того, в ее общажную комнатку другой стол просто не вошел бы.

Стремление к красивой жизни осталось в безвозвратно ушедшем прошлом, а столик до сих пор с ней, и она каждый день за ним ужинает, пригласив в компанию Сеню.

Развеселый ведущий программы «Поле чудес» что-то радостно орал до невозможности смущенным участникам, которые никак не могли угадать русского писателя, в фамилии которого присутствовали буквы «...у...ин». Участники пыжились, шевелили лбами, грозно нахмуривались, но таинственная фамилия была сильнее их и никак не давалась.

— Пукин, — подсказала Клавдия, с наслаждением откусывая от картофелины.

Бравый пожилой участник доковылял до сектора «Приз» и теперь жаждал получить причитающееся ему вознаграждение. Ведущий препирался и заигрывал, предлагая несметные богатства в обмен на неизвестный приз. Участник терялся и в глубокой тоске водил взором по рядам зрителей, надеясь, что кто-нибудь подскажет ему, как не продешевить. Наконец утюг был благополучно выдан, и игра понеслась дальше. Фамилия так и оставалась неразгаданной.

— Букин, — снова подсказала Клавдия, принимаясь за вторую картофелину. — Тукин, Мукин, Хрюкин.

Ей было очень весело.

В конце концов участники не без помощи хорошо осведомленного ведущего выяснили, что русского писателя звали не Пукин и не Хрюкин, а все же Бунин, и началась волынка с обменом всех выигранных сокровищ на еще более несметные, маячившие в суперигре. Клавдия доела картошку, по детдомовской привычке, с которой она боролась уже лет пятнадцать, вылизала тарелку, и тут зазвонил телефон.

— Да? — сказала она с вопросительной интонацией, пристраивая тарелку на шаткий столик.

— Капусту хрумкаешь? — спросила трубка без предисловий. — Или уже того, схрумкала?

Клавдия засмеялась.

— Привет, Танюш, — сказала она весело. — Я сегодня решила капусту не есть. Надоела.

— Неужели? — удивилась трубка. — Ты же образцово-показательный кролик Роджер. Тебе не может надоест капуста. Страсть к капусте у тебя в крови.

— Может, у меня в крови страсть к осетрине горячего копчения, и я вовсе не кролик Роджер, — продолжала веселиться Клавдия. — Может, ты все эти годы во мне ошибалась. А?

Таня Ларионова, которую Клавдия так и не могла представить себе Павловой, хотя она была Павлова уже лет семь, была самой лучшей ее подругой.

Они познакомились в незапамятные времена на картошке под Зарайском, куда вывезли одновременно два института — совершенно мужской физико-технический, где училась Таня, и совершенно женский фармацевтический, где училась Клавдия. Кавалерами они тогда так и не обзавелись, зато на всю оставшуюся жизнь обрели друг друга.

— Как дела? — спросили они одновременно и засмеялись.

— Нормально, — сказала Таня. — Павлов с утра до ночи на работе, зато обещает, что в октябре поедem в отпуск аж на две недели. У нас тоже что-то работы стало полно, я приезжаю домой и падаю. А ты?

Таня работала помощником какого-то крупного банковского начальника, хорошо зарабатывала и все время тряслась, опасаясь, что ее уволят или сократят.

— Я не падаю, — сказала Клавдия. — У нас все как всегда. Осенью работы будет больше. Сама понимаешь, пойдут всякие гриппы и простуды.

— Ой, ну их к дьяволу! — энергично перебила Танька. — Я все эти зимне-осенние штучки, вроде снега и гриппа, ненавижу. Какие у тебя планы на выходные?

— Какие у меня могут быть планы? — вдруг рассердилась Клавдия. — Ты же знаешь, что никаких. Ну, полы помою. Может, постираю, хотя пока нечего. Ты что, не знаешь моих планов, Танька?!

— Откуда я знаю, может, ты на свидание собираешься, — сказала Таня легкомысленно. — А если не собираешься, приезжай к нам на дачу. Мама специально сегодня звонила, напоминала, чтобы я тебя пригласила. Хочешь, мы с Павловым в субботу с утра за тобой заедем?

Это было роскошное предложение.

Танины родители зимой и летом жили на даче в Отрадном, и поехать к ним было не просто удовольствием, а редким счастьем.

Клавдия всегда опасалась быть в тягость и редко пользовалась гостеприимством Таниных родителей. В конце концов у них была большая семья, двое взрослых детей — Таня и Танин брат, милицейский майор, — зятя, невестка, родители невестки и зятя, которые тоже регулярно приглашались на дачу...

— Ты чего молчишь, Ковалева? — насторожилась в

трубке Таня. — Не хочешь? Или у тебя и в самом деле свидание?

— Нет у меня никакого свидания! — даже возмутилась Клавдия. — Просто я думаю, удобно это или нет...

— Неудобно спать на потолке, — сказала Танька, не страдавшая никакими комплексами. — Ты же знаешь родителей, они бы тебя не звали, если бы не могли принять. Кроме того, они тебя обожают и обижаются, что ты к ним не едешь. Я им говорю, конечно, что ты натура тонкая и не можешь, как все нормальные люди, сказать «спасибо» и успокоиться... Ну что? Мы заедем?

— Да я и сама могу добраться, — пробормотала Клавдия. — На электричке ехать всего ничего...

— Особенно в субботу утром, — подхватила Таня. — Ты в субботу утром в каком-нибудь дачном направлении выезжала, Клавка? Или нет?

— Нет, — призналась Клавдия.

— И не надо, — уверила ее Таня. — Так что мы заедем. Только мы рано ездим. Не в одиннадцать.

— А во сколько?

— В девять, — усмехнувшись, сказала Таня. — Если только мне удастся растолкать Павлова. Он считает, что по выходным вставать нужно самое раннее в двенадцать. А лучше в два.

— Заезжайте! — решила наконец Клавдия. — Спасибо. Я так давно у ваших не была, соскучилась ужасно... Я так рада, что они меня не забывают.

— Ты просто незабываема, Клавка! — провозгласила Таня, и они попрощались.

Клавдия сполоснула тарелку и налила себе в кружку растворимого кофе.

Вечер неожиданно оказался просто изумительным — в субботу она поедет в гости, в дом, который очень любила, а к кофе у нее есть сэкономленный торт.

Человек, о существовании которого она не подозревала, в этот момент сдавал вахту своему напарнику. Не-

приметные «Жигули», в которых происходила смена караула, затерялись в ряду машин, мирно дремавших во дворе. Если бы Клавдия выглянула в окно, то непременно увидела бы их и, конечно, не обратила бы никакого внимания.

— Ну что? — спросил напарник, щелкая зажигалкой.

— Все как всегда — аптека, метро, теперь дома сидит. Ты долго будешь ее караулить?

— Часов до одиннадцати, — зевнул напарник. — Потом поеду. И кому она сдалась, эта аптекарша, и за каким чертом? Чего ее сторожить? Ладно, валяй езжай! Она тебе небось за целый день хуже горькой редьки наделала...

Кто-то настойчиво и не переставая долбил ему в череп чем-то острым и тонким. Он пытался спрятаться, уползти от этой долбежки, но она достигала его там, где он прятался. Со стоном он обхватил голову, чтобы спасти ее от того острого и тонкого, что в нее долбило. Что-то со звоном упало и рассыпалось то ли внутри головы, то ли снаружи, и он наконец проснулся.

Звонил телефон, черт бы его побрал. И в этом было все дело.

Никто не бил его по голове. Просто звонил телефон.

Пошарив рукой, он снял визжащий, как поросенок, аппарат с журнального столика, придвинутого вплотную к дивану, и волочащийся шнур снес по дороге что-то еще, кроме того, что он уже свалил, пытаясь защититься от настырного, бьющего в уши звука.

— Але, — сказал он хриплым голосом пропойцы и неудачника. — Але!

Он был уверен, что звонят с работы. И ошибался.

— Андрюша, — деловито произнесла ему в ухо бывшая жена, — ты что, спишь?

— Нет, — сказал он, морщась и не открывая глаз. Голова болела ужасно, и во рту было сухо. С чего это он вчера так перебрал?

— А что ты делаешь? — удивилась бывшая жена совершенно искренне.

— Пишу диссертацию, — ответил он, пытаясь так приладить к подушке голову, чтобы с ее помощью можно было хотя бы разговаривать. — О жизни и размножении карибских попугаев в неволе.

Последовала выразительная пауза. Он был бы счастлив, если бы она продолжалась час, а еще лучше — до вечера.

— Ты шутишь, — обиженно протянула бывшая жена. И уточнила: — Ты ведь шутишь, да?

Черт ее знает, вроде она никогда не была тупой. Но всю жизнь они разговаривали, как глухой со слепым. Или как гусь со свиньей. Нет, это другое... Гусь свинье не товарищ, вот как. Интересно, кто из них свинья?

— Андрюша! — подбодрила бывшая жена, побуждая его высказываться более четко.

— А? — спросил он и потер затылок, в который теперь ломился курьерский поезд, причем с внутренней стороны. — Нет, я не шучу. Я никогда не шучу. У меня отсутствует чувство юмора. — Он помолчал и добавил: — Как таковое.

«Как таковое» — это было ее выражение, и он как будто увидел бывшую жену рядом с собой.

Это зрелище оптимизма ему не добавило.

«Как таковая, моя работа тебя совершенно не интересует... У тебя отсутствует чувство долга, как таковое... Как таковые, общечеловеческие ценности для тебя ничего не значат...»

— Андрюша, — сказала бывшая жена с хорошо прочувствованной интонацией, — я все понимаю. Ты до сих пор не можешь простить мне, что я от тебя ушла. Но

мы цивилизованные люди и должны все же оставаться в рамках цивилизованных отношений...

— С чего ты взяла? — спросил он вяло.

— Что? — не поняла она.

— Что я не могу тебе что-то там такое простить?.. — выговорил он с трудом, потому что язык цеплялся за сухое небо и мешал ему блеснуть красноречием.

Не стоило этого говорить. Совсем не стоило.

Зачем он задает ей дурацкие вопросы? Не иначе как от вчерашнего перепою у него помутился разум.

Как это говорят у них на работе? Снесло крышу, вот как. И еще — чердак потек.

Да, совершенно верно: от вчерашнего перепою у него потек чердак.

Теперь жена в трубке объясняла ему, почему он так и не смог простить ей уход от него. На эту тему она могла рассуждать часами. Хорошо еще, что в трубке, а не у него в кровати.

— Ты ничего не понял, Андрей, — мягко утешала она, как будто он был подросток в переходном возрасте, который на глазах у всего класса не смог сделать «подъем — переворот». — Мы разошлись вовсе не потому, что я считала или считаю тебя недостойным. Твоя жизненная позиция заслуживает уважения, но ты заблуждаешься, думая, что всю жизнь сможешь прожить так, как живешь сейчас. Я не могла с этим смириться, я хотела большего, и ты прекрасно об этом знал...

Андрей осторожно вернул трубку на телефон, а телефон на журнальный столик. Зная бывшую жену, он был уверен, что через секунду она позвонит снова. Может, вообще сегодня к телефону не подходить?

Придерживая руками голову, чтобы не отвалилась по дороге, он побрел в ванную. Звонок настиг его уже у дверей, и он длинно содрогнулся, как от первого удара плетью по голой спине.

Ни за что не подойду. Хоть ты пополам разорвись от звона. Не подойду.

Он закрыл за собой дверь, и неистовые телефонные трели отдалились и сразу стали как будто совсем неважными.

Андрей неизвестно зачем глянул на себя в зеркало, скривился от отвращения и полез в облупившуюся ванну. Горячую воду дали только на прошлой неделе. Жильцы продержались на холодном пайке лишних десять дней. Все премии за экономию добывают, с вялой ленивой злобой подумал Андрей про ЖЭК. Конечно, поди проживи на зарплату рядового жэковца...

Это было смешно, и он улыбнулся, с наслаждением глотая попавшую в рот воду. Он злился вовсе не на махинации с водой, к которым все давно привыкли, а на себя за то, что вчера так надрался, а сегодня день начался со звонка жены. Бывшей.

Пока он трусливо отсиживался в ванной, телефон все разрывался от звона. Потом наступил короткий перерыв, во время которого Андрей побрился.

Теперь хорошо было бы что-нибудь съесть, но даже думать о запахе еды было страшно. Нет, нужно поесть, ему ведь сегодня за город ехать...

Хмуро глянув на телефон у разгромленного дивана, он пошел в кухню и плюхнул на плиту чайник. На этом силы иссякли окончательно, и Андрей в изнеможении присел на табуретку у холодильника. Кажется, где-то была минеральная вода...

Хорошо, что вчера пили не у него, а то пришлось бы еще заниматься уборкой. От этой мысли его едва не стошнило.

Телефон опять зазвонил. Андрей замысловато выматерился и, выразив таким образом свое отношение к жизни, снял трубку в кухне.

Конечно, решение вовсе не подходить к телефону было очень правильным и даже некоторым образом ге-

роическим, но совершенно неосуществимым. В конце концов ему могли позвонить с работы.

— Да! — сказал он. От холодной минеральной воды к нему неожиданно вернулся голос.

— Андрюша, что случилось? — с тревогой спросила жена. — Так неожиданно все разъединилось, и я уже полчаса не могу до тебя дозвониться.

— Я был в сортире, — объявил он, зная, что ее тонкая натура не может выносить подобных натуралистических подробностей. — Мне неожиданно срочно понадобилось в сортир.

Жена поперхнулась какой-то почти вылепленной фразой, и Андрей был вознагражден несколькими секундами приятного молчания.

— Ты грубишь, Андрюша, — наконец печально констатировала она. — Что с тобой происходит в последнее время? Ты уверен, что с тобой все в порядке?

Он вовсе не был уверен, что с ним все в порядке. Какой может быть порядок после такого перепоя?!

— Жанна, ты чего хотела? — спросил он, чувствуя, как минеральная вода льется в воспаленный желудок и, кажется, даже что-то там успокаивает. — Поговорить?

— Поговорить нам давно необходимо, — подтвердила жена с профессиональной интонацией. Она была психотерапевтом, с точки зрения Андрея, очень плохим. — Но я звоню не за этим.

— А зачем? — спросил Андрей. Чайник закипел, и, дотянувшись, он его выключил.

— Ты помнишь Иру Мерцалову? — спросила жена, и это было так неожиданно, что Андрей разлепил глаза и уставился на обои в наивный цветочек, которыми была оклеена кухня.

— Кого? — переспросил он осторожно. У него была профессиональная память на фамилии и лица, и что-то такое он действительно вспоминал, но ему требовалось подтверждение.

— Ах, господи, Ира Мерцалова, моя хорошая знакомая, — затараторила жена. — Мы вместе работали когда-то, я тебе про нее много рассказывала. Вечно ты ничего обо мне не помнишь! — пожаловалась она по ходу пьесы. — Ну, у нее еще такой потрясающий муж, Сережа, ну я тебе говорила....

— Ты говорила, но я их никогда в жизни не видел, — перебил Андрей, морщась от ее возбужденного стрекотания у себя в ухе. — Что нужно-то?

— Они оба врачи. Сережа — известнейший хирург, а она детский психолог. Ну, вспомнил?

Он давно все вспомнил, но предпочел промолчать.

— Ира мне вчера позвонила и была очень встревожена...

Почему он раньше никогда не замечал, что его жена говорит такими невозможно длинными, казенными фразами?..

— Сереже с недавних пор кажется, что за ним кто-то следит...

— Стоп, — перебил Андрей. — Все ясно. Когда кажется, креститься нужно. Это единственное, что я могу посоветовать твоим хорошим друзьям Ире и Сереже. Это понятно?

— Ты грубишь потому, что не уверен в себе, — радостно сообщила бывшая жена. — Ты даже не дослушал до конца. Сережа — очень, о-очень известный врач. С мировым именем. Ирочка позвонила именно мне потому, что не знала, что мы с тобой развелись. Она просила помочь... — По голосу жены Андрей чувствовал, как она горда тем, что Ирочка вместе со своим знаменитым мужем именно к ней обратились за помощью. — Сережа ничего не выдумывает, поверь мне. Ира говорит, что он расстроен и даже стал плохо спать.

— Выпиши ему снотворное, — сказал Андрей грубо.

— Андрюша! — воскликнула бывшая жена укориз-

ненно. — Снотворное тут ни при чем. Ты должен им помочь.

— Я?! — поразился Андрей. — Чем?!

— Ты должен разобраться в ситуации, — твердо сказала бывшая жена. — Поговорить с ним, выяснить, кто за ним следит и почему. Правоохранительные органы призваны защищать спокойствие граждан, разве не так?

Он помолчал, стараясь взять себя в руки.

— Правоохранительные органы в моем лице, — сказал он наконец очень спокойно, — в данный момент занята убиством бизнесмена Мурова. Читала? Его нашли на МКАДе с простреленной башкой. А вчера те же органы и в моем же лице взяли одного мудака, который накануне двух девчушек изнасиловал и убил. Девчушкам было семь и девять. Мудаку — семнадцать. Мне недосуг заниматься фантазиями каких-то болванов с мировым именем. Это понятно?

— Андрюша, — начала жена, но он перебил. Тон у него был такой, что она моментально поняла — дальше продолжать не нужно, иначе дело кончится плохо.

— Я не хочу больше это обсуждать и не буду. Я не занимаюсь проверкой ничьих глубоких переживаний. Я расследую убийства. Если твои друзья могут это себе позволить, пусть наймут частного сыщика или телохранителя. Все остальное не ко мне. Телефоны частных сыскных контор вполне легальны и доступны. Чтоб ты не переживала, я могу дать тебе слово офицера, что у меня нет ни одного знакомого в подобной конторе. — Он врал для того, чтобы жена от него наконец отвязалась. — Зря ты все утро угробила на телефон. Спала бы лучше.

— Андрей, я от тебя такого не ожидала, — отчеканила жена. — Даже для тебя это слишком.

— Ожидала, ожидала, — сказал Андрей. — И звонила-то просто так, для проверки. Я же знаю. Чтобы потом с этой Ирой обсудить, какая я сволочь. Верно?

— До свидания, — попрощалась жена холодно и повесила трубку.

Почему-то после разговора с ней ему стало еще противней, чем было.

Что не так?

Вроде все правильно. Он не частный детектив, готовый взяться за любую оплаченную работу, даже если у клиента паранойя или мания преследования. Конечно, он — «правоохранительные органы», ну и что из того? Кому-то что-то кажется, или не кажется, а мерещится, или не мерещится, а снится... Может быть все, что угодно — от ревнивого мужа, подозревающего богатенького и удачливого доктора, и до любимой супруги, тоже что-то подозревающей. А может, у них просто помутнение разума, как у него самого с утра...

Андрей заставил себя подняться с табуретки и заварил чай.

Может, бутерброд съесть?

И еще родители привязались — приезжай на выходные к ним.

Вчера он устал, закончил дело, вдребезги напился и сегодня не хочет никого видеть. Ему бы машину посмотреть в гараже на яме, в тишине, покое и прохладе, а то она совсем на ладан дышит и дымит, как зараза. Гаишники свои ребята и права у него, конечно, не отберут, но машину жалко. Андрей к ней привык. Она была его любимая девочка. По секрету от коллег он даже придумал ей имя и называл ее по имени, когда ремонтировал или мыл. Ему казалось, что она его понимает.

Может, собаку купить?

Такую замечательную, желтую, беспородную собаку. Щенка. Назвать его Тяпа. Поехать на Птичку и найти там одного-единственного, собственного щенка, с карими глазами, обведенными желтым ободком, и холодным любопытным носом. Толстого и неуклюжего, похожего на всех породистых собак сразу и оттого еще

более беспородного. У него должно быть сытое розовое пузо, младенческие лапы и выражение любви ко всему окружающему миру на милой мохнатой морде. Он будет кидаться к Андрею, встречая его с работы, как будто Андрей самый лучший человек на земле, лизать ему руки и скулить от полноты чувств. Андрей вымоет его в ванне, сварит ему овсянки, а ночью он будет спать в ногах его дивана, как настоящий сторожевой пес, оберегающий покой хозяина. И заживут они вдвоем, и никто им не будет нужен.

Он мечтал о собаке все свое детство. Он много раз представлял ее себе и точно знал, какая она, его собака. Но бабушка болела, и о собаке не могло быть даже речи.

У него дежурства, ночные бдения, срочные вызовы и «ненормированный рабочий день», как это называется в законодательстве о труде. Какая, к бесу, собака?! Она через неделю сдохнет от тоски и одиночества и будет совершенно права.

Бывшая жена популярно разъяснила ему, что он — индивидуум, непригодный для жизни «в социуме» и психологически тяжелый в общении. Именно этим она объясняла его выбор профессии. «Копаться в отбросах может только человек, всецело преданный своему делу и сознающий его важность, или неудачник, пытающийся доказать окружающим свою мнимую значимость», — говорила она.

На «всецелую преданность» он не тянул и потому автоматически попал в неудачники.

Вот несчастье-то...

Чай получился слишком крепким, и в желудке опять что-то загудело, как в пчелином улье. Чего бы такого съесть, чтобы не стошнило?

Он поискал на полках. Ничего. Засохший батон, крупа и несколько банок с засахаренным вареньем, которое регулярно привозила мама. Варенье он не любил.

Зато в холодильнике был сыр и одеревеневший от мороза хвост копченой колбасы.

Интересно, откуда она взялась?

Последние недели он пахал день и ночь, ел в столовой — страшно вспомнить! — и ни в какие магазины не ходил.

Точно! Колбасу принесла Галка, ночевавшая у него дней пять назад. Она всегда что-нибудь с собой приносила, зная, что у Андрея есть, как правило, нечего. Ее муж укатил в очередную командировку, и она выкроила вечерок для Андрея. Каждые полчаса она звонила няне и проверяла, соблюдает ли няня указания по правильному воспитанию Галкиных отпрысков. Няня все указания соблюдала, а Андрей бесился, как всякий индивидум, непригодный для жизни в социуме.

Что-что, а жизнь в социуме никак ему не давалась.

Все его раздражало.

Раздражали Галкины звонки и то, что она приперлась к нему не по какой-никакой великой любви, а от скуки, потому что иметь в любовниках милицейского майора, человека из совершенно другого мира, в их кругу считалось чрезвычайно романтичным. А то, что он когда-то вытащил из передрыги ее мужа, крупного мебельного торговца, лишь добавляло ощущениям остроты.

Он злился на себя, потому что втайне мечтал о чем-то совсем другом, чему не знал даже названия, потому что слово «любовь» было не из его лексикона.

Он никогда и никому не признавался в этом, тридцатилетний, разведенный, циничный, хладнокровный, злопамятный, жестокий и удачливый профессионал. Милицейский майор. Масса выносливых и тренированных мышц, девяносто килограммов живого веса, три пулевых ранения, сломанный нос, послужной список «отсюда и до заката» — и тайные мечты о толстом

шенке по имени Тяпа и женщине, которая принимала бы его таким, какой он есть.

Без препарирования его психики. Без извращенного, сладкого, отвратительного любопытства — каково это, переспать с ментом, низшим существом, у которого только и есть что тренированное тело и для которого женщина из высшего общества — невообразимый подарок судьбы, с которым он и обращаться-то как следует не умеет.

Андрей с силой швырнул на плиту чайник. Кипяток плеснул ему на руку.

Стоп. Хватит. С чего это ты так разошелся?

В университете, где он прилежно учил английский язык, в какой-то книжонке — Бернарда Шоу, что ли? — ему встретилась поговорка, которую он вспоминал всю жизнь, и, как ни странно, она его иногда выручала.

«Делай, что должен, и будь, что будет» — вот как примерно она переводилась. Андрею она нравилась больше всех остальных пословиц и поговорок.

Пить надо меньше, и все будет хорошо.

Он должен попасть к родителям на дачу не позже двух часов дня, потому что в это время мама, как правило, загоняет семью обедать. Если он не придет, его будут ждать, нервничать, голодать, и проблем потом не оберешься. Значит, у него еще четыре часа, чтобы посмотреть машину, вместе с другом Витькой сменить ей масляный фильтр, помыться и выбраться за город.

Успею...

Делай, что должен, и будь, что будет.

Ну слава богу, хоть какое-то разнообразие.

Что-то ее за город понесло, эту аптечную крысу. Принарядилась даже — сарафанчик нацепила с голыми плечами.

А плечи-то бледные до синевы, как позавчерашний

кефир, а босоножки латаные-перелатаные, а сумка точь-в-точь из кино про семидесятые годы, а лопатки торчат так, что хочется хлопнуть ее по спине. Вот волосы у нее красивые. Не то каштановые, не то рыжие, и много их очень, и пострижены они хорошо — не коротко и не длинно, до плеч, как раз так, чтобы закрыть убогую тощую шею.

Посмотрим, посмотрим, куда ты направляешься и что тебе там нужно. Неужели у такой тихой крысы есть друзья или, может, любовник, которого она посещает раз в месяц? Хотя с ее темпераментом и одного раза в месяц должно быть много.

В переполненной электричке он примостился сзади нее так, что ее волосы щекотали ему нос. Конечно, она читала. Ее толкали, пихали, задевали, сдавливали, а она читала, ничего не видя вокруг. Идиотка.

Он переместился так, чтобы увидеть, что именно она читает, детектив или дамский роман с эротическими сценами?

Он поставил бы десять баксов, что дамский роман. И пускает слюни на каждой странице, где описано, как именно герой хотел и любил героиню. Это как раз для таких, как она, написано, недотраханых, никчемных старых дев.

Конечно, она читала дамский роман. Герой как раз метался по комнате в припадке страсти или чего-то там еще. Она так увлеклась, что даже не замечала, как он сопит ей в ухо.

Ему было смешно. Никогда в жизни он не работал с таким полоумным объектом. Ведь она ни за что его не узнает, если завтра столкнется с ним нос к носу у своей аптеки или в подъезде.

Надо будет написать в отчете, что по дороге в Отрад-ное она запоем читала пошлый романчик. То-то заказчик порадуетя.

Освободилось место, и он плюхнулся в крохотное

жаркое отверстие между телами дачников, жаждущих подмосковной природы. Опоздавшие зароптали, а он проверил, что его подопечная продолжает жадно поглощать свое чтиво, и сделал вид, что задремал.

Ехать еще долго, жарко, а крыса никуда не денется.

— Здравствуйте, Елена Васильна! — закричала Клавдия от калитки. — Это я! Вы мне откроете?

Как всегда, откуда-то выскочили собаки, которых всегда было полно в этом доме, и маленькая женщина в нарядном сарафане поспешно разогнулась и шагнула с грядки, где она стояла, наклонившись над огурцами.

Собаки — в этот раз их было всего две, но огромные, — радостно скакали у ворот, поднимая клубы пыли и взлаивая от избытка чувств.

— Привет, ребята! — сказала им Клавдия, но войти не решилась. Елена Васильевна торопливо приближалась, и подол ее сарафана раздувался, как шлейф.

Маленькая государыня маленького королевства.

— Дима! — закричала она на ходу. — Иди скорей, Клаша приехала! Нужно собак забрать!

Откуда-то сбоку, из гаража вынырнул Дмитрий Андреевич в шортах и рваной майке в масляных и керосиновых пятнах.

— Так вот кто это пришел! — сказал он с удовлетворением. — Нашлась пропажа!

Он оказался у калитки раньше жены и по очереди схватил за ошейники скакавших собак.

— Сидеть! — сказал он им строго. Собаки посмотрели на него с умилением и завиляли хвостами. Та, что была побольше и имела вид овчарки, сделала попытку его лизнуть, но ей это не удалось. Вторая грозно залаяла на Клавдию, демонстрируя хозяину бдительность.

— Сидеть! — повторил Дмитрий Андреевич. — Кому сказал?!